

**К ФОРМИРОВАНИЮ ОБРАЗА А.Д. МЕНШИКОВА
В ЕВРОПЕЙСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ
(ПИСЬМО, СОДЕРЖАЩЕЕ «ЖИЗНЕОПИСАНИЕ И
ПОРТРЕТ КНЯЗЯ МЕНШИКОВА» ОТ 7 ДЕКАБРЯ 1711 г.)**

В 1725 г. голландский издатель Жан (Иоган) ван Дюрен напечатал в Гааге «Мемуары для истории Российской империи в царствование Петра Великого»¹ – французский перевод знаменитой книги Ф.Х. Вебера «Преображенная Россия». В предисловии к книге издатель описал сложную историю создания перевода. «Прошло уже более двух лет с тех пор, как мы вознамерились опубликовать на французском языке «Мемуары для истории Российской империи» в нескольких томах. Наш проект состоял в том, чтобы, выбрав лучших авторов, которые писали об этой обширной империи, составить из их произведений один том сведений до начала нашего века, наиболее достойных войти в историю. После чего предполагалось дать обзор всех преобразований, свершенных императором Петром Великим, а также современного состояния этой империи с описанием всех наиболее замечательных событий, заслуживающих внимания иностранцев. С этой целью мы собрали разные материалы, как рукописные, так и напечатанные, и лучшей книгой оказался «Журнал» наиболее достопамятных событий, произошедших в Российской империи с 1713 по 1720 год, написанный министром великого принца, который был при дворе царя, и изданный на немецком языке в четвертую часть листа. Мы привлекли к этому делу человека, который был способен работать над этим планом и предоставили ему все необходимое. Он действительно работал, и некоторое время произведение продвигалось очень хорошо, пока этот человек или из-за того, что он был слишком занят другими работами, или по какой-то другой причине внезапно перестал работать и остановил нас. С тех пор

другие пришли собирать урожай на поле, засеянном нами, для того, чтобы отнять то, что по праву принадлежит нам. Это заставило нас изменить наши планы (для того чтобы не дать себя опередить) и опубликовать настоящий том, который включает не только весь немецкий «Журнал», о котором мы сказали выше, но также частную реляцию другого министра, который был в Московии ранее и который рассказывает своему принцу, который его туда направил, что было наиболее примечательного и что касалось царя, его главных министров, а также двора и политики Российской империи до 1713 г., даты, с которой начинается другой «Журнал». Таким образом, эти два произведения вместе содержат поучительные детали о состоянии Российской империи и всего, что там было наиболее замечательного в годы правления Петра Великого»².

Хотелось бы пояснить, что предисловие издателей отражает общее состояние работ по русской истории, предпринятых в начале 1720-х годов по указанию самого Петра I. Написание русской истории велось под наблюдением П.П. Шафирова и Феофана Прокоповича и продвигалось весьма успешно вплоть до ссылки Шафирова. Уже английское издание Ф.Х. Вебера 1722–1723 гг.³, осуществленное неоспоримо Шафировым и русскими дипломатами в Лондоне и Гааге Б.И. Куракиным, И.П. и Ф.П. Веселовскими, являло собой вполне законченный историографический проект: кроме собственно текста ганноверского резидента, в издание были добавлены описания Петербурга и Кроншлота, а также работа Л. Ланга «Дневник путешествия из Петербурга в Пекин», диссертация Й.Б. Мюллера об остояках, следственные материалы по делу царевича Алексея и, что самое интересное, работа самого Шафирова о причинах Северной войны в английском переводе. Можно предположить, что ван Дюрену просто было поручено подготовить французский перевод этих же сочинений. Есть сведения, что в эти годы надписанием русской истории трудился голландский ученый, журналист, доктор права и член Болонской академии Анри Филипп де Лимьер. Не вызывает сомнения, что именно Лимьера имеет в виду ван Дюрен в своем предисловии. Еще в 1721 г., находясь в Голландии по поручению Петра I, царский библиотекарь И.Д. Шумахер лично познакомился с Лимьером, уже в то время известным историком, автором многотомных «*Abrégé chronologique de l'histoire de France sous les règnes de Louis XIII et de Louis XIV*» (Amsterdam: D. Mortier, 1720. 2 vol.) и «*Histoire de Suède sous le règne de Charles XII*» (Amsterdam: Janssons a Waesberge, 1721).

Вернувшись в 1722 г. в Петербург, И.Д. Шумахер доложил Петру I о Лимьере: он «...за малое жалованье обещает Вашему Императорскому Величеству книги писать»⁴. В августе 1724 г. издательская фирма «Янссон-Весберг» сообщила Шумахеру: «Господин Лимьер, издающий газету в Утрехте, все еще усердно работает над историей Его Величества. Если мы будем иметь честь получить какие-либо точные записки, касающиеся военных походов и учреждений Его Царского Величества, нам доставит большое удовольствие содействовать его славе»⁵.

Итак, Лимьер усердно работал над написанием русской истории. Но потом и произошли те события, о которых написал ван Дюрен в упоминавшемся предисловии: «...другие пришли собирать урожай на поле, засеянном нами». Несомненно, издатель намекает на голландского историка и журналиста Жана Руссета де Мисси, который в 1725–1726 гг., уже после смерти Петра I, опубликовал у других издателей «Записки о царствовании Петра Великого, императора России»⁶. Загадкой остается причина отказа Лимьера продолжать свои работы над русской историей, а также отстранения ван Дюрена от привилегированного русского заказа. Напомним, что именно ван Дюрен был издателем «Манифеста по делу о царевиче Алексее Петровиче»⁷, на титульном листе которого было сообщено, что издание осуществлено по заказу Его Царского Величества (1718). До этого, в 1717 г., именно Жан ван Дюрен напечатал в Гааге также по заказу Петра I Библию на голландском языке, причем голландский текст составлял одну половину страницы, а на другой в России был параллельно допечатан русский перевод. Это издание было одним из символов Петровской эпохи и ставило целью введение элементов протестантизма в России, а также как можно более широкое распространение знания голландского языка среди русских и русского среди голландцев, служивших в русском флоте. Оказавшись лишенным привилегии издавать русскую историю, ван Дюрен попытался сохранить за собой, даже без особой привилегии, ту часть работы, которая была уже завершена и находилась в его распоряжении. Перевод Вебера, а также две небольшие работы, которые ему предшествовали, были напечатаны явно наспех, можно даже сказать, неряшливо.

Для нас в настоящей работе наиболее интересен тот факт, что в качестве своеобразного предисловия к работе Вебера Жан ван Дюрен опубликовал два письма, отправленных из Петербурга анонимным автором и адресованных «а un Prince de l'Empire». В первом

письме был описан «характер Его Царского Величества, а также его министров и некоторые любопытные особенности двора и русской империи». Второе письмо, отосланное тем же анонимом из Петербурга 7 декабря 1711 г., содержало «жизнеописание и портрет князя Меншикова, генерал-фельдмаршала армии Его Царского Величества»⁸. Первое письмо явилось, по всей видимости, переработкой части произведения под названием «Точное известие о крепости и городе Санкт-Петербурге»⁹, в котором были главы «Несколько специальных замечаний о высокой особе Его Царского Величества» и «Дальнейшие замечания о некоторых министрах». Второе письмо является, по существу, расширенной политизированной переделкой небольшой повести «Князь Кушимен. Тартарская история», изданной в Париже в начале 1710 г.¹⁰ Это произведение повествовало о возвышении простого пирожника Кушимена (Меншикова), его любви к дочери высокородного князя Дамилка, о его помощи в раскрытии заговора против Петра I (в повести – хана). В опубликованном же втором письме, кроме того, что основные персонажи, за исключением князя Дамилка, названы своими именами, акцент сделан на причине возвышения Меншикова: ценой своей любви он спасает жизнь царю. Это письмо было призвано ввести в европейское общественное сознание новый образ Меншикова, который, несмотря на свое низкое происхождение, описан в доброжелательных, лояльных тонах, подчеркнуты его заслуги перед царем, военные успехи, его благородство и уважительное отношение к окружающим, даже если это пленные шведы. Вместе с тем в тексте письма даны важные дополнения непосредственно от имени автора с описанием реальных событий из жизни Меншикова.

Письмо с «жизнеописанием и портретом князя Меншикова» было подготовлено в 1711 г. одним из дипломатов, находившихся в Петербурге. Его создание, скорее всего, связано с подготовкой к публикации первого описания Петербурга, вышедшего в свет на немецком языке в 1713 г. Возможно, что у этих произведений был один автор, но ни в 1711, ни в 1713 гг., ни в следующее десятилетие «жизнеописание» светлейшего князя не вышло в свет.

Почему же в 1725 г. это письмо было напечатано? Кто реально стоял за этой публикацией? Для ответа на этот вопрос надо принять во внимание ситуацию, сложившуюся после смерти Петра Великого при русском дворе, где резко возросла династическая борьба и многим хотелось полностью блокировать любые попытки Меншикова

играть главную роль в окружении Екатерины I и потом Петра II. И, конечно, в придворной борьбе мало значения имели личные заслуги или, скажем, важная роль в Полтавской баталии. На первый план выдвигался факт знатного происхождения. Так что недругов у Меншикова было более чем достаточно, но и сам князь не терялся: в 1725–1726 гг. по его указанию было составлено произведение, в котором автор повести «Князь Кушимен...» был назван клеветником и утверждалось, что «ежели честной совет разсудит его поступки, то признает его не токмо за безчестнаго, но и виселицы достойнаго» человека¹¹.

В 1727 и 1732 гг. ван Дюрен издал в Гааге два произведения известного в XVIII веке путешественника и политического агента Обри де ла Мотрэ, побывавшего в России и пользовавшегося особым вниманием и заботой вице-канцлера и члена Верховного тайного совета А.И. Остермана¹². В обоих книгах О. де ла Мотрэ затрагивал династические вопросы и, в частности особенно во второй, выступил против прав на русский трон детей Екатерины I.

Факт сотрудничества А.И. Остермана, О. де ла Мотрэ и ван Дюрена в двух вышеназванных изданиях позволяет предположить, что за публикацией письма, содержащего «жизнеописание и портрет князя Меншикова», тайно стоял А.И. Остерман.

Перевод «Князя Кушимена...» на русский язык был опубликован в 2003 г.¹³ с предисловием Л.Л. Альбиной и статьей А.М. Шарымова. Письмо о светлейшем князе, напечатанное ван Дюреном, являющееся заметным памятником историографии Петровской эпохи, никогда не переводилось на русский язык. Даже о существовании его известно только специалистам по изучению Петровской эпохи, поэтому мы сочли необходимым выполнить этот перевод и опубликовать его в настоящем сборнике.

¹ *Mémoires pour servir à l'Histoire de l'Empire Russien, sous le Règne de Pierre le Grand.* A la Haye, chez T. Jonson & J. van Duren, 1725.

² *Avertissement des Libraires* // *Ibid.* P. III–V.

³ *The present state of Russia.* In Two Volumes. London, 1722–1723.

⁴ Отчет, поднесенный Петру Великому от библиотекаря Шумахера о заграничном его путешествии в 1721–1722 гг. // *Пекарский П.П.* Наука и литература в России при Петре Великом. СПб., 1862. Т. 1. С. 558.

⁵ ПФА РАН. Ф.1. Оп. 3. Д. 8. Л. 168–169.

⁶ [*Rousset de Missy J.*] *Mémoires du Règne de Pierre le Grand...* La Haye, 1725–1726. Т. 1–4.

⁷ См. об этом: *Копанев Н.А.* Французская книга и русская культура в середине XVIII века. Л., 1988. С. 20–21.

⁸ Lettre, contenant la Vie et le Portrait du Prince de Menzicoff, Velt-Marŕchal Gŕnŕral des Armŕes de S.M. Czarienne // Мѣmoires pour servir a l’Histoire de l’Empire Russien, sous le Rŕgne de Pierre le Grand. A la Haye, chez T. Jonson & J. van Duren, 1725. P. LXIV–LXXXII.

⁹ См.: *Беспярых Ю.Н.* Петербург Петра I в иностранных описаниях: Введение. Тексты. Комментарии. Л., 1991. С. 47–90.

¹⁰ Le Prince Kouchimen, histoire tartare, et Dom Alvar del Sol, histoire napolitaine. Paris, 1710.

¹¹ Разговор между трех приятелей, сошедшихся в одном огороде, а именно ж: Менарда, Таландра и Варемунда // Русский вестник. 1841. Кн. 11–12; История князя Меншикова. СПб., 2003. С. 47, 48.

¹² *La Motraye A. de.* Voyages en Europe, Asie et Afrique... La Haye, 1727. Vol. 1–2; *La Motraye A. de.* Voyages en Anglois et en Franzois en diverses provinces et places de la Prusse ducale et royale, de la Russie, de la Pologne etc. La Haye; Londres; Dublin, 1732.

¹³ История князя Меншикова. СПб., 2003.

Приложение

ПИСЬМО, СОДЕРЖАЩЕЕ ЖИЗНЕОПИСАНИЕ И ПОРТРЕТ КНЯЗЯ МЕНШИКОВА, ГЕНЕРАЛ-ФЕЛЬДМАРШАЛА АРМИИ ЕГО ЦАРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА

Князь Меншиков имеет настолько же низкое происхождение, насколько блистательно его возвышение. Родители его определили к ремеслу кондитера, и он во время своего ученичества продавал пирожки на улицах Москвы. Незамысловатые песни, которыми он веселил народ, падкий на всякие пустяки, позволяли ему достаточно хорошо сбывать товар. В этом и состоял весь его талант.

Несметное число людей ежедневно умирает в безвестности и в неведении, что они не стали великими людьми лишь по случайности. Князю Меншикову повезло больше.

Однажды, как обычно громко расхваливая свои пирожки на улицах Москвы, он оказался перед дворцом царя. Этот принц смог его услышать, позабавился, слушая его песни, и, так как, кроме того, он любил пироги, приказал привести его к себе. Ученик кондитера послушался и смело зашел со своим коробом прямо в кабинет Царского Величества. Царь спросил его, не хочет ли он продать ему свои пирожки вместе с коробом и сколько он хочет за все получить. Не смутившись, юноша ответил, что он вправе продавать пирожки, но должен спросить разрешение хозяина на продажу

короба, а так как все находится во власти Его Царского Величества, то ему только стоит приказать. Такая сметливость очень понравилась царю, и он сразу же приказал своему первому министру взять его в свое окружение, добавив, что он сам займется его судьбой. Молодой пирожник сначала получил свои деньги и отнес их хозяину, и, поступив в тот же день на службу к первому министру, он стал носить его портфель, когда тот ходил в Совет.

Его Величество, который часто имел случай его видеть и очень забавлялся разговором с ним, был столь доволен его сообразительностью, что посчитал необходимым приблизить его к своей персоне и сделал его своим комнатным слугой. С тех пор он имел честь спать в покоях этого государя и потом до такой степени расположил его к себе, что Его Величество ни разу не отказывал ему в его просьбах, и когда кому-нибудь что-либо было необходимо [от царя], то нужно было обращаться именно к нему [Меншикову]. Он охотно брался за такого рода посреднические дела и тем более хорошо с ними справлялся, что никогда не спрашивал ничего для себя. Царь не преминул вознаградить его за такое благое поведение.

Тем временем главные сеньоры двора решили убить Его Царское Величество. Князь Дамилка был во главе этого заговора и до такой степени довел его до исполнения, что царь лишь на один день опередил замыслы преступников и не был задушен в своей постели. Так как в покои Его Царского Величества было очень трудно войти без разрешения, князь Дамилка решился привлечь Меншикова в заговор, внушив ему льстивые надежды. Он стал проявлять к Меншикову знаки своей милости, и их количество росло каждый день. Последний не догадывался об истинных мотивах такого внимания, но считал, что он должен был продолжать столь почетное общение, и он часто и с благодарностью бывал в доме князя [Дамилки]. Княжна Дамилка по приказу своего отца выказывала ему разнообразные знаки расположения. Было просто невозможно, чтобы столь прекрасная персона не сумела бы затронуть чувства Меншикова: он в нее безумно влюбился. Князь Дамилка узнал от самой своей дочери о том, какое впечатление произвели ее чары на его сердце, приказал ей закрепить свою победу и сказал, что по своему положению Меншиков мог бы претендовать на брак с самыми родовитыми принцессами, а значит, и с ней. Эти слова и достоинства ее возлюбленного благожелательно расположили ее к нему. Притворные ласки княжны мало-помалу стали искренними, а привязанность Меншикова еще более окрепла от ее ласк... И вот они признались во взаимных чувствах, и единство их сердец стало таким крепким, что они уже не могли жить друг без друга.

Когда князь Дамилка, который за ними пристально следил, уже не мог сомневаться в их полной взаимности, он посчитал, что пришло время открыть Меншикову секрет заговора. Он сделал это и сопроводил откровенный разговор многими заверениями дружбы и обещаниями, и прежде всего надеждой на будущий брак с княжной, своей дочерью, если он последует за ним в его деле. Легко предположить, в каком оцепенении оказался Мен-

шиков после этого предложения. Князь [Дамилка], который был в не меньшем смятении, не дал ему и мгновения, чтобы прийти в себя, и живо описал, какое вознаграждение его ожидает. Меншиков попросил 24 часа, чтобы принять окончательное решение. Но князь Дамилка, который понимал, сколь важно было ему быть уверенным в Меншикове до того, как тот покинет его дом, приказал своей дочери употребить все свое искусство для полного его подчинения. Чары были слишком сильны, и несчастный влюбленный согласился войти в заговор и пообещал впустить убийцу в покои царя, когда тот будет в постели. Как только Меншиков вышел из дома, где он не был хозяином самого себя, он понял всю гнусность преступления, на которое его толкали, и решил порвать с заговорщиками. Вместе с тем, чтобы усыпить бдительность князя Дамилки, он выразил ему воодушевление по поводу этого ужасного заговора и попросил раскрыть ему имена других заговорщиков. Князь Дамилка согласился, с тем что сообщит ему об этом, когда придет время. Через несколько дней заговор был уже полностью подготовлен.

Между тем Меншиков находился один с царем и впал в глубокую задумчивость. Его Величество заметил это и спросил о причинах такой меланхолии: «Что с тобой? Или ты не доволен своей судьбой? Проси все, чего ни пожелаешь, и не опасайся, что я тебе в чем-либо откажу». Эта замечательная доброта заставила его [Меншикова] содрогнуться. Царь заметил изменение в его настроении и потребовал объяснений. Опасность, которой подвергалась княжна, сильно сковывала его, но наконец благодарность взяла верх над любовью. Он бросился в ноги царю и раскрыл ему заговор. Его Царское Величество был сначала охвачен страхом, но, быстро совладав со своими чувствами, он приказал Меншикову подняться и сказал, что если он сможет дать ему услышать из уст самих заговорщиков все обстоятельства заговора, то он обещает, что возведет его так высоко, что между Царским Величеством и им не будет никакого различия. Меншиков ему это пообещал, просил не выявлять своих чувств, чтобы не насторожить заговорщиков, и заверил, что будет ему служить до последнего вздоха. «Вот и хорошо, Меншиков, – сказал на это царь, – думай о своей судьбе и о слове, которое я тебе дал».

Меншиков продолжал притворяться с князем Дамилкой и его дочерью, и казалось, что для их еще большего единства не достает только свадьбы двух влюбленных.

Вместе с тем, так как он стогал от нетерпения послужить царю, он испросил у князя Дамилки разрешения дать у себя пир в честь княжны и попросил привести на него тех людей, которых тот пожелает видеть. Князь согласился на это и назначил на день этой трапезы последнее собрание заговорщиков. Меншиков, обрадованный таким решением, дал знать о нем Его Величеству, а тот еще раз приказал постараться предоставить ему те сведения, которые он хотел иметь.

В день пира княжна Дамилка прибыла к Меншикову со своим отцом и еще двумя главарями заговора. Так как князь Дамилка считал, что его слышат только те, кто находится за столом, он в середине трапезы сказал Меншикову, показывая на свою дочь: «Вот, дорогой мой Меншиков, награда за услугу, которую Вы окажете государству, когда поможете нам задушить тирана». Меншиков, поблагодарив за честь, к которой его готовили, воспользовался случаем, чтобы спросить, кто были заговорщики. И князь назвал их всех. Потом они обсудили все, что должно было обеспечить исполнение заговора, которое было назначено на следующую ночь. На этом они расстались.

Царь, которого Меншиков спрятал вместе с его великим канцлером в том же зале, где был пир, и который все слышал, приказал на следующий день арестовать заговорщиков, которых оказалось числом 40, и приказал их всех казнить. Смерти по просьбе своего возлюбленного избежала только княжна Дамилка, но она была приговорена к вечной тюрьме. Царь в такой же мере сдержал свое слово, в какой Меншиков сдержал свое, и возвел его в самое высокое достоинство в знак признания важности его услуги.

Однако Меншиков, выполнив в полной мере долг перед Его Царским Величеством, не забыл о своей любви. Воспоминания о чарах княжны Дамилки преследовали его повсюду, и он впал в смертельную меланхолию. Его Величество всегда внимательный к счастью своего фаворита захотел узнать причину его печали. Царь сказал ему о том, сколь много он уже сделал для Меншикова, и пообещал удвоить свои заботы, если это будет возможно. Он продолжил, что если кто-нибудь обидит Меншикова, то тем стоит только сказать, и обидчик будет наказан. Меншиков, пораженный такой добротой, бросился перед царем на колени и открыл ему все свои чувства: «Господин, Ваше Величество ежедневно обязывает меня своими милостями и благодеяниями. Но я не смогу ими воспользоваться так, как хотел бы, пока княжна Дамилка будет стонать в цепях. Я осмеливаюсь просить Ваше Величество дать ей свободу. Она не виновна, мой господин. Все ее преступление состояло в том, что она подчинилась своему несчастному отцу, который принес ее в жертву своему коварству. Еще раз, господин, прошу Вас не быть безучастным к боли, которая ее убивает. Я не стыжусь сказать, что я так тронут этими страданиями, что готов взойти на эшафот, если для ее освобождения потребуется моя смерть».

Царь был крайне тронут чувствами и болью Меншикова. «Твои просьбы и дела, – сказал он ему утешающим голосом, – заслуживают мою милость, но я хочу, чтобы она была достойна твоих чувств и стала твоей женой. Прощай, иди к ней и не появляйся с ней передо мной до тех пор, пока вы не поженитесь. Это единственное условие, при котором я ее прошу. Я слишком люблю Меншикова, чтобы не полюбить его жену». Меншиков был так очарован добротой своего царя, что вновь поклялся ему в вечной верности и пообещал повсюду рисковать своей жизнью на его службе. Через некото-

рое время состоялась его свадьба с княжной. Царь присвоил ему титул князя и герцога Ингерманландского. Его Величество любит княгиню Меншикову и пожелал, чтобы она вела образ жизни столь же великолепный, как и императрица. Он ежедневно одаряет своими милостями ее супруга, и, таким образом, можно сказать, что для их благоденствия нет никаких препятствий, тем более что от этого брака они имеют детей, их достойных.

Князю Меншикову сейчас только 32 года. У него хороший цвет лица и всегда приятное расположение духа. Он рассматривает всех офицеров, которые имеют с ним дело, как своих детей или братьев. Он очень удачлив в больших начинаниях и важных предприятиях. Он не знает усталости, работает и днем и ночью с исключительным неистовством. Какими бы большими почестями ни вознаграждал его царь, они ничуть не сделали его высокомерным. Он лишен заносчивости и принимает всех с дружелюбием и замечательной деликатностью. Но, насколько бы великими ни были его благодеяния, те услуги, которые он оказал и ежедневно оказывает Его Царскому Величеству, многократно превосходят их. Среди несчетного количества примеров приведем один: лишь ему одному Его Царское Величество обязан победой под Полтавой. Именно вследствие его стратегии, о которой он даже не сообщил царю, вся шведская армия была вынуждена сдаться, а король Швеции принужден был спастись бегством с угрозой для своей жизни.

Говоря о его одеждах, отметим только, что они замечательны, а его экипажи великолепны. Его платье голубого цвета и почти все покрыто золотыми галунами. Стол его обычно сервируется серебром, но, когда Его Величество принимает какого-нибудь иностранного принца, вся посуда на столе из золота. Все дворяне и офицеры в его доме – немцы. Немцами же являются и его пажы, и трубачи, как я уже об этом говорил. Несмотря на изысканное обращение со всеми, его возвышение и большая милость к нему царя порождает зависть многих людей. Но, так как даже в своих недругах он любит доблесть, он всеми силами старается превратить недругов и завистников в друзей. Вот довольно красноречивый пример.

Когда русская армия была на Украине, в ней произошел по недосмотру князя Меншикова некоторый беспорядок. Многие генералы шептались об этом, но никто не осмелился доложить царю. Один немецкий офицер, который был многим обязан царю, не побоялся тем не менее это сделать, и царь в письме высказал свое недовольство князю Меншикову. Меншиков приложил большие усилия, чтобы найти того, кто его предал, и, выяснив наконец его имя, он вызвал к себе этого офицера. Он сказал ему, что очень хотел познакомиться с ним, потому что тот, подвергнув себя некоторому риску, сообщил царю о том, что касалось до его интересов; он считает, что офицер – смелый человек и хотел бы видеть в нем своего друга. И в знак своего удовольствия, что офицер выполнил свой долг, даже выступив против самого князя, он просил его принять в подарок 2000 дукатов.

Я мог бы еще представить много примеров его великодушия, доказанного многими способами. Но я ограничусь, рассказав только еще об одном. Один шведский офицер, получив ранение в битве под Полтавой, будучи не в силах защищаться по причине усталости и слабости, был в конце концов вынужден сдаться в плен. Князь Меншиков, бывший свидетелем его мужества, приказал перевязать его раны. Когда этот офицер вылезился, Меншиков сделал его своим главным адъютантом. Однажды князь увидел этого офицера в момент своего разговора с царем в присутствии герцога голштинского и многих других высокородных персон. Меншиков попросил его приблизиться и, сняв с него парик, показал Его Величеству раны, полученные им во время Полтавской битвы, что сопроводил многими похвалами и ласками.

Именно так Меншиков относится ко всем офицерам, совершившим какое-либо замечательное дело. И значит, что если есть кто-либо, кто жалуется на него, то происходит это не по вине Меншикова, а из-за несовершенства человеческой природы, которая такова, что, какое бы усилие ни было приложено, все равно нельзя удовлетворить всех.

Засим остаюсь со всем моим уважением и полной преданностью.

7 декабря 1711 года.